

Василий Лекалюцкий

Лавка Журан

Василий Пекалицкий

Лавка Харли

«Издательские решения»

Пекалицкий В.

Лавка Харли / В. Пекалицкий — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-938195-8

Помутнения разума или альтернативная реальность: именно это предстоит узнать Вальсону, сироте, который стал жертвой кровавого инцидента на знакомой улице, где никогда ничего не происходит. Но в этот раз все перевернулось с ног на голову. Сегодня все было тут знакомо, но уже через минуту все становится чужим, странным и непонятным. Приключения, заговоры, водоворот странных событий: все это придется пережить главному герою, который держит путь в неизвестное...

ISBN 978-5-44-938195-8

© Пекалицкий В.
© Издательские решения

Лавка Харли

Василий Пекалицкий

Автор обложки Ирина Гудзь

© Василий Пекалицкий, 2019

ISBN 978-5-4493-8195-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мистер Харли – это замечательный человек с невероятно открытой душой и прекрасной натурой. Я смутно помню, что произошло, но когда-то я даже считал его своим кумиром. Впрочем, в моей памяти достаточно отчетливо запечатлелось его лицо и глаза – глаза спокойного и мудрого человека, который, казалось бы, понимает все.

Это была воскресная ночь. На улице шел снег, медленно покрывающий все словно перламутровой простыней, от которой отбивался колеблющийся свет фонаря.

– быстро ступал по нему, наслаждаясь скрипящим звуком, который можно было услышать только зимой. На часах было около десяти. Я со своим младшим братом шел домой.

– Эй, Вальсон! – услышал я. (Вальсон – это мое имя).

– Чего тебе, Джордж? – устало спросил я.

– Давай заглянем в лавку Харли.

– У меня всего два доллара. Сколько у тебя?

– Три.

– Давай сюда и подожди меня здесь.

Точно не припоминаю, но, кажется, мне тогда было не больше 13 или 14 лет.

Трудно все вспомнить в свои 85 лет.

– Добрый вечер, мистер Харли.

– И тебе добрый. Почему ты еще не дома? Тебя там уже, наверное, заждались. В его голосе послышались нотки какой-то неприязни. Ведь он прекрасно знал, что я живу в приюте, потому что мой отец по уши в долгах. Но почему-то все равно спрашивал.

– Еще бы, – грустно ответил я, опустив голову, делая вид, что мне безразлично. Не задерживаясь, я быстро схватил небольшую плитку шоколада, положив ее на кассу вместе с деньгами.

– На, держи. Это брату, – он протянул мне небольшой мятный леденец. Ему нравилось делать мне и Джорджу маленькие подарки, а мне нравилось заходить к нему.

– Благодарю вас, сэр, – слегка подняв голову, произнес я. Быстро взяв леденец и разноцветную плитку молочного шоколада, я уже было хотел метнуться оттуда как можно дальше. Но вдруг в лавку стремительно вошел

человек, почему-то сразу настороживший меня. Он был в дорогом бежевом костюме, с тростью в руках и с небольшим черным цилиндром на голове, который выказывал отсутствие вкуса. Он был не слишком высок и не слишком низок.

– Вы мистер Харли? – повысив почему-то тон, спросил вошедший человек.

– Именно. Вы не ошиблись.

Человек тут же засунул руку в карман, искусно приподняв пиджак, где я заметил деревянную ручку револьвера, который он крепко-накрепко зажал у себя в правой руке.

– Ну что же, Генри, дорогой Генри. Ты долго прятался, но я нашел тебя. Не нужно лишних движений, они тебе уже ни к чему. Помнишь меня – Билла Фрейда, который рос с тобой в одних пеленках, помнишь? Ну же, освежи память! Вижу, что помнишь.

– Б-Билл Ф-Фрейд?! – В тот же момент мистер Харли застыл. А после резко вздрогнул и тихо, почти неслышно, повторил:

– Билл Фрейд... Но, но я, я, я сам, своими руками, своими руками... Черт побери. Ведь я видел тогда... Как же ты?..

– Генри – мужчина внимательно обвел его глазами – ты долго находил лазейки в бетонной стене, но их больше нет, как и тебя, впрочем. Не люблю много болтать с мертвецами.

– Стой, прошу, стой, я все верну, все до последнего цента. Все десять миллионов... На лице пришедшего человека появилась улыбка. И он тяжело вздохнул:

– Генри, уже слишком поздно.

– Стой. Я верну, слышишь, верну!

Человек в бежевом резко вынул револьвер, наставив его на дрожащего от страха мистера Харли:

– Кого ты обманываешь? Ты не вернешь то, что отнял – того человека, а он был тебе родним. После сказанного он провел рукой по щеке, на которой был замечен шрам в полсантиметра, если не больше. Приглядевшись получше, можно было увидеть небольшие белые полоски, почти что полностью усеивающие его измученное лицо. Было видно, что он наслаждался коротким мгновением перед убийством. Пристально смотря на мистера Харли, он медленно взвел курок. Тогда я буквально онемел от страха, но вдруг неожиданно для самого себя, даже не знаю почему, я кинулся на него, вцепившись в револьвер обеими руками. Тут же прогремел выстрел, а затем еще и еще. Что-то лопнуло позади – это была витрина магазина. Мне не хотелось умирать, но еще больше я не хотел, чтобы умер человек, который был одним из немногих, кто действительно по-доброму относились ко мне. Мистер Харли панически что-то крикнул. Что именно, я не помню, лишь увидел, как он достал небольшой пистолет, помещавшийся в ладони, и наставил его на меня, дальше прогремел очередной выстрел, а в глазах потемнело.

В то самое мгновение я почувствовал, что медленно падаю куда-то вниз. Уже не было ни лавки со сладостями, ни Харли, ни человека в бежевом. Лишь приближавшиеся, все ближе и ближе, старые деревянные дома. Минута-две и я почувствовал удар и потерял сознание.

Упал я, по-видимому, удачно: все тело болело, но к моему счастью все кости остались целы. Оглядевшись я увидел, что лежу недалеко от места моего падения: это было ясно видно по вмятине в крыше у самого крыльца. Я валялся, как какой-то пьяница, недалеко от дороги, по которой хаотично ездили повозки, запряженные небольшими продолговатыми существами, похожими на маленьких лошадей, но с причудливыми и красивыми, гордыми оленьими рогами.

Протерев глаза, я увидел куда-то спешащих вперемешку гномов, эльфов и людей. Странно, что все они шли вместе и никто не обращал внимания друг на друга. Все это казалось необычным. Встав и слегка покачиваясь, я зашел в то помещение с вмятиной в крыше. Это оказалась лавка, в которой по сторонам виднелись разные флаконы с причудливыми в них существами или в виде четырехногой зеленой выдры или улитки огромных размеров, с ножками как у мокрицы, которая нервно бегала по стеклянному сосуду. За прилавком же сидела пожилая женщину.

– Добрый день – тут же поздоровался я.

– И тебе добрый, – недовольно проворчала она, опустив взгляд куда-то вниз. Ей было далеко за шестьдесят. Лицо было полностью усыпано морщинами, а по середине был длинный, как морковь, нос. Маленькие прищуренные глаза и такие же маленькие уста, которые уже потрескались от сильных и никем не побежденных ударов времени.

– Где я? – подойдя ближе и опершись на прилавок, спросил я.

– Ты что, пьян? – возмутилась старуха. – Ты мне лучше скажи, кто мне теперь крышу будет чинить?! Я вообще думала, что ты того... Ну, коль так, мне уже работник давно нужен. Я старая, не для моих костей эта работа, а крыша, знаешь ли, дорого стоит. Отработаешь все.

– Я кивнул и молча продолжал слушать ее, пытаясь понять, что это за место. Вдруг она хлопнула в ладоши, и я оказался за прилавком.

– На каждом флаконе своя цена. Думаю, справишься. А я пошла, и поверь мне на слово, когда я вернусь, я проверю, все ли на месте. И особенно тщательно пересчитаю деньги. Так что не вздумай сделать отсюда хотя бы шаг, да ты и не сможешь – она улыбнулась, быстро выйдя вон. Я хотел было кинуться за ней, но ноги как приклеились.

Таким дивным образом я получил работу, которая была самой утомительной в моей жизни. Целый день я продавал разные флаконы с какими то растворами и дивными существами внутри.

К вечеру старуха вернулась, быстро осмотрела все и бросила мне серебряник, сказав, что это за работу и, если что, я могу снова прийти завтра. Договорив, она щелкнула пальцами, и я оказался на пороге. Ноги болели страшно, но, несмотря на это, я быстро отправился вдоль по улице этого необычного города, который со всех сторон окружали харчевни с большими железными картинками, изображающими, в основном, поджаренных поросят и толстых карпов. Купив буханку хлеба в одной из них, я попытался вспомнить что-либо, но все было напрасно. Головная боль, досаждавшая мне весь этот день, лишь усилилась. Блуждая по этому, почему-то показавшемуся мне странным, месту, я случайно столкнулся на углу с мельником, который нес на себе два мешка пшеницы. Одет он был скромно. Да и не молод. Неожиданно споткнувшись, он уронил один из мешков чуть ли не мне на ноги. Я тут же поднял мешок:

– Я помогу.

– Тогда нам прямо – не удивился мельник – Ох уж этот город, вечно нахожу себе какие-то приключения.

– Вы о чем?

Старик отмахнулся:

– Тут вся жизнь пролетела. Помнится, как будто только вчера держал меч и лук, шел воевать за Каменный Город, а теперь... Да... Пришлось защищать все девять королевств нашей Сантамилании. – Он улыбнулся. – Есть что вспомнить.

– Сантамилании? Девять королевств?

Он с недоумением глянул на меня:

– Ну да. На защиту нашей Сантимилании и всех ее девяти королевств. Пройдя еще пару длинных кварталов, он остановился: – Дальше уже я сам, а ты заработал на пиво. Тут оно самое лучшее.

Я ничего не ответил.

– Выпей за мое здоровье – он кинул мне полсеребряника и устремился восвояси.

– Лучшее пиво? Нет, не сегодня – подумал я – Надо бы ночлег найти так, чтобы дешево, но уютно. В обычной таверне и то ночь – два серебряника.

На улице было холодно. Осень, одним словом. Обойдя весь город, я не нашел ничего пристойного для ночлега, кроме как старой церкви, куда меня к счастью впустили, принявшись расспрашивать. Мне, впрочем, не было чего скрывать.

Дальше уже жизнь сложилась так, что меня оставили послушником, дав новое имя «Фризо». Дни быстро проходили, наверное, потому, что я был постоянно занят и вполне дово-

лен свои жребием. Повысился я и в звании, поскольку старый настоятель церкви вдруг неожиданно исчез, а мне лишь посчастливилось занять его место. Правда, печально лишь одно: память не возвратилась ко мне за все те годы, которые я пробыл в том городе где, наверное, и служил бы до конца жизни, если бы не случившееся происшествие. Жуткое и невообразимое, которое мне до сих пор кажется лишь плохим сном, который никак не кончается.

Сегодня был самый короткий день в году, поэтому уже стемнело. Я закончил свои повседневные дела в церкви и не спеша шел домой. Как я уже говорил, было довольно поздно, так что на улице в такое время не было ни одной души. Не то, чтобы меня это каким-то образом пугало: ведь это время, когда тебя могут легко ограбить. Но что с меня возьмешь-то? Честно говоря, я люблю тишину и покой так же, как и хорошую компанию и хлеб насущный. Впрочем, я относился ко всему как к должному, радовался тому, что имел. Просто жил, найдя свое небольшое местечко, где успел уже пустить корни. Мое существование тут напоминало мне что-то на подобии жизни песчинки в целой пустыне. Но разве пустыня может быть без песка? Разве в шахматной игре король и другие, не менее важные фигуры, могут оставаться без должной защиты? Ведь без пешек партия будет всегда проигрышной. Может, кто-то скажет, что это не так. Может. А может и нет. Но порой мне кажется, что мы все связаны одной не разрывной нитью. Которая ничем не объясняется, и связывает нас совершенно с незнакомыми людьми. Нитью, под таким странным названием, как жизнь.

В моем существовании мне приходилось видеть множество несчастных, которые только и думают о хлебе и больше ни о чем. Много я видел, но всегда оно меня самого не касалось. До этого самого дня. Ведь для большинства людей, что такое смерть? Это то, что случается с другими.

Заперев за собой двери церкви на ключ, я вышел на улицу. Мое внимание, как и мои мысли, прервал мужчина, стоящий в черном плаще, с яркой свечой, которую он держал возле лица, хотя даже вблизи я не смог его разглядеть. Черная и плотная мантия полностью скрывала его. Он явно ожидал кого-то. Но кого? Тем более в такую темень. Может, заблудился или может... Лучше подойти и спросить. Вдруг чем-то помочь смогу. К тому же это мой долг служителя церкви, как не как. Я медленно подошел к нему:

– Что же ты так поздно расхаживаешь по городу? Случилось, может, что? У меня, конечно, не густо с деньгами, но на ночлег с куском хлеба всегда найдется. – И не успел я закончить свои слова, как он тот же час вцепился мне в шею. В глазах потемнело. Я начал задыхаться, пока не потерял сознание.

Очнулся я в огромном зале, ранее никогда не виданном мною. Стены были из грубого камня, окрашены желтой масляной краской. Все очень напоминало большой винный погреб. Окон не было видно. Скорее всего, я нахожусь где-то под землей.

Пространство освещали смолистые факелы. Оглянувшись вокруг, я увидел, что лежу на каком-то возвышении. Немного придя в себя от сильного головокружения и осмотревшись по сторонам, я заметил толпу из тридцати или сорока человек – в черных плащах, со свечками в руках. Их лиц также нельзя было рассмотреть даже при таком достаточно ярком свете. Неожиданно вся эта масса зашевелилась и из толпы медленно вышел и направился ко мне то ли человек, то ли какое-то существо в красном плаще. Нет, скорее в алом, как кровь. Я тут же вскочил на ноги. Он же на миг остановился, как будто не ожидал этого.

– Не стоит волноваться, Фризо. «Откуда он знает мое имя? Ведь его знали очень немногие, те, которые, собственно, и дали мне его. Смешав все свои имена и убрав несколько букв – и получилось „Фризо“. И вообще, что это за знакомый голос? Даже слишком знакомый. Чей же?!» Все эти мысли молниеносно пронеслись в моей голове.

– Кто, кто все эти люди? – наконец глухо произнес я. – Где я нахожусь? Алая накидка была сброшена в мгновение. Увиденное повергло меня в шок. Это был Сандо де Пюри – главный патриарх всей провинции, который освятил меня на пост священника. Я застыл, борясь с оцепенением. Его лицо не могло скрыть какой-то тяжелой обиды и разочарования. Но что я мог сделать такого, чтобы оказаться в столь мрачном и темном месте? За какие грехи? Я тут же упал на колени, молясь и упрекая себя за то, что не узнал святого и столь важного человека. Неожиданно Сандо де Пюри, увидев меня в таком скверном положении, тут же помог мне подняться:

– Не стоит этого делать.

Тут явно творилось что-то неладное. В голове панически крутилась, подобно юле, одна лишь мысль: бежать не только отсюда, но и из всей провинции. Куда угодно, но только подальше отсюда. Мое сердце колотилось как бешеное, предугадывая очередную беду. Но все было еще хуже, чем я мог себе только представить.

– Что все это значит?!

Сандо де Пюри повернулся назад, где уже стояла святыня нашей церкви: золотой кубок, украшенный сапфирами. Это был Кубок всех святых. Название это он получил не потому, что был сделан из чистого золота. Напротив, он был изготовлен из костей более пяти тысяч священнослужителей, которые, сделали много достойных дел. Кубок несли четыре монаха. От самого кубка пахло полынью, особой полынью, которая росла только в этой провинции, и которая не зря считалась здесь колдовским и проклятым растением. Как-то раз мне довелось увидеть ее силу: помнится, как одну овцу специально накормили ею, после чего она просто упала на бок, безумно тарашась на собравшихся рядом пастухов. Я не хотел даже пробовать этот напиток. Но настойчивость собравшихся и угроза смерти, если я откажусь, ясно читалась в их глазах. Сильная головная боль и затмение разума на пару минут обеспечили все...

Я упал на пол, отлеживаясь пару минут. В глазах даже помутнело, словно я попал в туман, но не такой, как обычный – он был похож больше на пар, исходивший из чайника. Все прошло очень быстро, и я смог снова встать на ноги.

– Взгляни на свои руки – сказал, обращаясь ко мне, Сандо де Пюри. На правой ладони я увидел, как будто выжженную метку в виде круга, в центре которого была магическая звезда, накрытая крестом.

– Это знак, указывающий, что ты готов к перевоплощению. Так сказано в Книге Прожитых Столетий. Именно в этот день мы должны были найти человека с этой меткой.

После сказанного Сандо де Пюри взял обе мои руки и, закрыв глаза, принялся нашёптывать что-то. И снова мне преподнесли тот кубок с отвратительным напитком и, чуть ли не силой, заставив сделать еще несколько глотков.

В тот же самый момент я снова оказался в церкви. Я словно видел себя со стороны – юношей, который стремительно выбежал на улицу и быстро поднялся на крепостную стену города с которой открывался прекрасный вид, и под которой стояло, застыв без малейшего движения, больше двух тысяч воинов. Все они в одной руке держали белые щиты с красным крестом, а другой крепко сдавливали сверкающие мечи. Неожиданно солнце умопомрачительно быстро сошло, я бы даже сказал, пропало с горизонта. Лишь яркие оранжевые лучи медленно уходили куда-то на другой край земли.

– Смерклось – тихо вымолвил я. И с этими самими словами та чудесная картина разорвалась на двое. Деревья расступились, а трава вырывалась из земли – ее срывала буря черного цвета. Она сметала все и вся. Земля дрожала не в силах выдержать ее, как и воины, не в силах сдвинуться ни на шаг. Ни один из меченосцев не отступил. А через мгновение все до последнего кинулись на того дьявола во плоти, который расходился из бури огромными всадниками. «Всадники Айгона» – пронеслось по рядам воинов. Многие рыцари, если они оказывались в окружении нескольких всадников, пали сразу, даже не вступив в бой, покрывшись синими

гнойными язвами. И знаете, что они делали, когда понимали, что обречены умирать? Они убивали себя сами, лишь бы умереть не от смертельных язв той навали и не стать ее новыми слугами. Темные всадники рассыпалась прахом от горящих стрел и мечей, оставшихся в живых рыцарей, которых становилось все меньше и меньше. Ни один из них не умер бесчестно. Резкий удар в плечо повалил и меня – это была вражеская стрела. Падая, я вдруг увидел, что буря отступила. Я снова увидел себя со стороны: я лежал, а вместо города везде были раздробленные руины и сотни мертвых душ с обеих сторон.

Я очнулся в холодном поту в том же зале: Сандо де Пюри пробудил меня.

– Ты видел ее?

– Кого? – в жутком головокружении и непонимании спросил я.

– Налетевшую смерть и пустоту, которая завладела теми краями.

– Да, я видел – дрогнувшим голосом ответил я. – Но почему выжил именно я, а не кто другой, и, вообще, что, что это было?

Помолчав немного, Сандо де Пюри ответил:

– Это твоя кровь отогнала ее. Голубая кровь священна. Она течет в твоих жилах. Получена тобой от твоей матери, полубогини – продолжательницы древнего рода. А тот юноша – ты, лишь в ином обличии.

– Но я же...

– Ты пришел к нам из иного мира.

– Вы убьете меня?

– Церковь всегда наказывает людей за грехи, но ты чист, зачем же нам тебя убивать? Ведь ты ни в чем не провинился.

– Тогда зачем же я здесь?

– На все свое время, – вынув, непонятно откуда, деревянный крест, он медленно отделил нижнюю часть, и оттуда выдвинулось спрятанное лезвие, напоминающее небольшую иглу, только грубо заточенную с обеих сторон. Взяв мою ладонь, он провел по ней клинком, слегка порезав ее. Не знаю почему, но боли я не почувствовал. У меня на руке тут же выступила синяя, почти голубая, кровь. Я увидел ее впервые. И правда, ведь за все время пребывания здесь я ни разу не порезался. Даже когда я свалился на крышу той лавки, то не обнаружил на себе ни единой царапинки – лишь спина побаливала.

После содеянного Сандо де Пюри спрятал лезвие в деревянный крест, служивший ножами, и резко бросился на колени:

– Ты видел ту боль, страх и гибель! Совсем скоро оно снова приблизится сюда, и тогда мы уже ничего не сможем поделать. Надо предотвратить все завтра, на рассвете. Второго шанса не будет! Сын короля – наследник престола – Мелицио Третий тяжело страдает от неизлечимой болезни. Точно такое же было и тогда, перед теми руинами. Мне уже 83 года. И когда я был еще юнцом, меня послали к настоятелю другой церкви для участия в обряде. Тогда мне чудом удалось спастись оттуда. – Фризо! Услышь же. Единственный, кто в силах исцелить младшего наследника, это ты. Исцелить смертью. Убив, ты избавишь его от мучений, взяв на себя всю тяжесть его грехов. Он знает сам, что иначе его ждет превращение и жуткий конец его греховой жизни. Будь же благоразумным и соверши это!

Мои мысли спутались, словно шерстяные комки. Про какое еще благоразумие он говорит? Этот человек толкает меня просто на постыдное убийство, недопустимое для священника.

– О Фризо! Я молю тебя, молю изо всех своих сил, стоя на коленях, не только от себя, а и от всей нашей провинции: убей наследника Мелицио Монтегрю. Сына, который покушался на сам трон! Одна его рука уже чернеет: превращение началось! Так же, как и начался конец нашего мира. Это его кара за все заговоры, ложь..., а самое главное – за брак с племянницей ради власти. Грехи, не подлежащие оправданию. Которые подобны глыбе, тянущей в бездну. Но только не для тебя, не для того, в чьем теле течет голубая кровь...

– Нет! – громко воскликнул я. – Ты спутал священника с убийцей! Я отпускаю грехи, а не совершаю их. Только Бог может осудить или простить кого-то, а не ты и я.

– Твоя миссия – лишь перенять этот грех! – раздраженно воскликнул Сандо де Пюри.

– Но какой ценой?!

– Услышь же, Фризо. Он сам, понимаешь, сам, третий раз пытался наложить на себя руки. Насилие держит власть, власть приносит богатство, богатство подкрепляет насилие. Это вечный круговорот, который нельзя остановить.

Причем, самая главная структура – власть. Пока мои уста еще могут говорить, я прошу тебя сделать это. Ведь если не ты, то никто не совершит этого. Слышишь, никто! Ты должен. Выбери же правильный путь. На секунду остановившись, он продолжил. Было видно, что каждое слово дается ему с трудом:

– Сила девяти королей – стоящих во главе своих провинций-королевств держала Айгона – того, кто несет пустоту и смерть – в повиновении. Но, если хотя бы один король попадет под его власть, то равновесие нарушится и всю страну ждет гибель. Мелицио, как наследник, должен был стать во главе королевства, и был заражен болезнью, которую насылает Айгон. Его восшествие на престол стало бы началом конца. Сила твоей крови сильнее власти Айгона – болезнь не справится с тобой. Ты встанешь во главе королевства и Золотая нить, связывающая все королевства воедино, не прервется. А я теперь выполнил свой долг – договорив до конца, он упал замертво на землю с раскрытыми глазами. Я же застыл в недоумении – мне было непонятны его слова.

К нему тут же подбежали монахи и поднесли к его лицу небольшое зеркальце. Подержали несколько секунд. Признаков жизни не было. Бездыханное тело подхватили и понесли куда-то наверх по ступеням. Все присутствующие вмиг удалились из комнаты, как будто их и не было, оставив меня наедине со своими мыслями. Раньше я думал, что такой человек, как Сандо де Пюри, – священен и велик. Я не мог даже предположить себе, что буду иметь честь говорить с ним. А теперь на моих глазах... Как будто все рухнуло в мгновение.

Может, мне все это показалось? Но ведь этот знак, метка... Мне сразу вспомнилось кладбище, которое было по размеру как поле. Я медленно подошел к двери, дернул за круглую ручку. Она оказалась запертой. Значит, придется ночевать тут.

Утром меня разбудил один из священников, дав мне опять выпить из кубка. Также он подал мне белую мантию, святую воду и тот клинок, тщательно замаскированный под крест. Сказав, что я сам должен увидеть этого несчастного, а там уже как сложится. Еще ничего не решив, я взял все необходимое, и сказал, что сделаю то, что в моих силах. После чего мы отправились в замок, где меня тот же час охотно приняли, как служителя церкви. Войдя в комнату несчастного Мелицио, я услышал его стоны, а в нос ударил неприятный запах гнили. Его лицо было изуродованное, покрытое огромными синими припухлостями, как после укусов комаров, только больше, намного больше, а самое ужасное то, что они гноились. С трудом можно было разглядеть глубоко спрятанные глаза, блестящие, как бусинки. А его руки... они были полностью черного цвета, да такие набухшие, что жутко было смотреть.

Я тот же час попросил всех выйти.

– Милорд, вижу, вам совсем худо.

– Да – скрипя зубами от невыносимой боли, простонал он. – Я знаю, для чего тебя послали ко мне. Так не тяни же, молю...

Не дослушав до конца, я все же попытался сделать все возможное, чтобы облегчить его участь. Но ничто не могло ему помочь. Тогда, окончательно утратив надежду на спасение, я принялся делать то, зачем пришел. Обнажив лезвие и спрятав его за спиной, я уже собрался было вонзить его в сердце несчастного, но вдруг Мелицио резко открыл глаза и взглянул на меня, как на спасителя:

– Этой ночью мне приснился дивный сон: как будто ты, именно ты, убьешь меня этим крестом, который ты сейчас прячешь за спиной, вонзив его в мое несчастное сердце, взяв ту непосильную гору боли и мук, которые я сейчас терплю. Может ты не знаешь и не помнишь, но когда-то ты был епископом, который смог закрыть чуму – болезнь, насланную Айгоном. Сможешь ли ты совершить то же самое и в этот раз, удержав Айгона собой, как и во всех предыдущих случаях?!

Затем он начал хохотать, а после плакать. – Церковь не договаривает, запомни это. Во всем виноват Сандо де Пюри. Это он, он виноват, черт побери – снова застонал он от боли.

– В чем вина Сандо де Пюри?

– В его глупости – он видел зло в кошках. Не стало кошек и болезнь, посланная Айгоном, захватила многих. Многих и меня. Я успел прочесть Книгу Прожитых Столетий: невидимая Золотая нить, как паутина, соединяет королей всех девяти королевств и подавляет силу Айгона. Король не молод, а я, который должен был замкнуть вновь Золотую нить вместо старого короля, умираю. Золотая Нить ослабла и Айгон восстал из подземелья. Книга говорит, что если случится то, что случилось, то только человек, посланный из другого мира, сможет забрать силу Айгона и тогда равновесие нашего мира восстановится. . . Я расскажу тебе легенды Книги Прожитых Столетий, это поможет тебе победить . . . – он говорил, но я уже и слушал, и не слушал его: его слова казались мне горячечным бредом.

Мелицио вновь заскрежетал зубами от боли:

– Кошки, кошки они кусают и царапают меня своими когтями! Прошу тебя, прошу, хватит тянуть, Фризо, подойди ближе: у меня к тебе лишь один вопрос – судорожно схватив меня за руку, начал он: Сможешь ли ты взять на душу такой непосильный груз, равносильный горе, вместо меня? Выдержишь ли ты все испытания, чтобы противостоять той твари – Айгону?

– Я сделаю все, что только будет в моих силах, милорд.

Не сказав больше ни слова, Мелицио попытался улыбнуться настолько, насколько ему позволяло его опухшее лицо. – Прости меня за все.

– За что же? Милорд, вы не должны извиняться.

– Ты еще многого не знаешь, но, надеюсь, ты сможешь простить меня.

– Сильная боль затуманила ваш разум.

– Нет-нет, ничего подобного. Может, я и слаб телом, но рассудок ещё не потерял. Фризо, прости меня, прости. . .

Замахнувшись, я уже готов был вонзить острое в сердце Мелицио. Если бы не внезапно распахнувшаяся дверь в комнату, откуда появился сам Король Монтегрю, или, как еще его называли, Царь среди царей. Его лицо было красным от ярости и возмущения, наверное, потому, что надежда на исцеление его сына оказалась всего лишь миражом. В тот момент я замер, как каменный, перед его величием. Слава небесам, что Мелицио не растерялся. Он был храбрым до самого конца: неожиданно впившись изо всех сил обеими руками в мою белоснежную мантию и сделав зверский рывок он, свалил меня с ног. Клинок, который я держал в левой руке, вонзился прямо в его сердце, став причиной безболезненной и мгновенной смерти. Последнее, что слетело с его уст, было: «Благослови тебя. . .», – но, увы, он так и не смог закончить фразу. Я даже не успел толком прийти в себя от того, что случилось, как охрана схватила меня, тут же обезоружив, и приставила к шее лезвия мечей. Увидев смерть сына, король упал на колени, не плача, а крича. Не в силах сдержать всю ту пекущую боль. Он кричал, не отводя взгляда от умершего, передавая через этот крик всю свою горечь и скорбь, которую невыносимо было пережить отцу. Отцу, прожившему жизнь, вырастившему сына, на которого он возлагал надежды, а теперь неожиданно потеряв его в преклонном возрасте. В тот момент я дрожал и трепетал от страха, хоть и знал, что шел на верную смерть. Но чего же я боялся? Смерти? Или ее ожидания? Ведь предчувствие наказания только усиливает страх. Нет, я уже смирился. Но отчего же я так дрожу? Охрана короля толкнула меня на колени перед ним. Когда

король Монтегрю встал надо мной, подняв для удара меч, слуга, держащий меня, отпрыгнул, как ужаленный, боясь попасть под горячую руку, чем продлил мою жизнь на секунду и, неведомо для себя, спас ее: вдруг дверь позади короля снова распахнулась и в комнату вошел младший брат умершего Мелицио. Увидев бездыханное тело, он обнажил меч и бросился ко мне, желая опередить короля и своими руками свершить кровавое возмездие. Уже схватив меня за волосы и подняв длинное лезвие, он неожиданно остановился. Меч выпал из его рук, лишь слегка отскочив от пола. Король, стоявший рядом и ожидавший моей смерти, оторопел и задрожал от гнева, переполняющего его. Младший сын же подскочил к нему, прошептал что-то на ухо. Король застыл, переводя взгляд с покойника на меня и обратно. Затем, сделав два шага ко мне, он схватился за мою мантию и разразился рыданиями. Несколько минут все находившиеся в комнате были в замешательстве, не меньше чем я сам, пока наконец-то король не произнес такие слова:

– Сын мой! Как же долго я искал тебя! – дрожащими старческими руками он взял меня за плечи, а потом он просто упал на меня, крепко обняв. Как я долго искал тебя! – ещё раз повторил он. Устало и сердито он прохрипел окружающим:

– Все вон! Живо!

– Но, отец! – тут же воскликнул младший сын Монтегрю.

– Вон! – повторил он. После этих слов мы остались одни. Король указал на мое родимое пятно на шее, сказав, что такое же было у его украденного сына. И это никоим образом не может быть совпадением. Удостоверившись, что мы совсем одни он продолжил:

– Много лет тому я не послушал предостережений своего отца и взял в жены прекрасную девушку. Она не имела никакого статуса, даже не являлась дворянкой. Долго у нас не было детей и, наконец, у нас родился сын. Это и был ты. Но в один ужасный день ребенка похитили, забрав вместе с тобой всю мою радость. Внезапная смерть твоей матери была последним ударом. И все, что мне осталось, так это нести в памяти ту боль потери самого дорогого, и надежду снова увидеть своего старшего сына. И теперь, спустя столько лет, я нашел тебя. А этот, так называемый, Мелицио не стоит и ломаного гроша. Он мне нужен был только для того, чтобы бесспорно взойти на трон после моей смерти и удержать королевство от хаоса междоусобиц.

Теперь казалось, что все будет просто замечательно – ведь я нашел своего настоящего отца! Но только не для меня. В то мгновение я почувствовал ужасную боль. Моя левая рука, которой я, хоть и не по своей воле, сделал то ужасное деяние, начала чернеть. Окинув в последний раз взглядом всю ту ужасную картину, я бросился напрямик в окно, которое вело в королевский сад, где прямо под ним находилось огромное озеро. В него-то я и упал, а выбравшись из воды, устремился к воротам замка. Сбавив ход, я смог выйти за его пределы без малейшего подозрения. А дальше кинулся бежать без оглядки, стараясь позабыть то, что не забывается. Я бежал так быстро, как только мог. Но вскоре усталость все-таки взяла свое. Утром я очнулся в колючем малиновом кусте, чувствуя сильную боль во всем теле. Едва открыв глаза, я увидел неподалеку от себя двух вооруженных всадников в сверкающих латах, на которые были небрежно наброшены белые полотна с большим красным крестом посередине. Воины тыкали мой нарисованный портрет какому-то человеку на телеге, которую везла старая кляча. Это был купец, явно неместный. Те двое говорили ему что-то о большом выкупе, величиной чуть ли не в мешок золота, и невиданном богатстве. Но человек в повозке ответил, что он тут раньше никогда не был и что они первые, кого он встретил в этих краях. Услышав такой ответ, воины тут же устремились вперед, на поиски меня. Когда они отделились, я бросился к тому торговцу. Его лицо было отталкивающим: на левой щеке шрам, а волосы имели ярко-оранжевый оттенок. Одежда же хоть и была вся побитая молью, но, видно, что чистая и недавно выстиранная, да и товар заурядный – всего лишь сено. Подойдя к нему, я сразу же поведал о том, как меня выгнали из церкви и нагло обманули. Конечно же, не договорив много чего. С неохотой выслушав меня, купец тяжело вздохнул, тщательно всматриваясь в мое лицо:

– Грех не помочь доброму человеку, попавшему в беду, да и к тому же такому, как ты. Садись рядом и еще на, держи, – он сунул мне старую овечью жилетку и рваные штаны вместе с тонкой, но довольно новой льняной рубашкой серого цвета. Переодевшись и усевшись рядом, мой попутчик громко крикнул на кобылу: – Давай же, чего встала?

Она, недовольно фыркая, медленно побрела вперед.

– Реральд.

– Фризо, – коротко ответил я, отведя взгляд влево. Не знаю почему, но мне говорить совсем не хотелось.

– Я же тебя не просто так взял, Фризо.

Я удивлено перевел взгляд на него:

– Ты о чем ещё?

– В дороге скучно, а ты священник, знаешь обо всем и расскажешь, может, чего.

– Знаешь, Реральд, лучше всегда быть пессимистом...

– Это еще с чего?!

– С того, что если всегда надеешься на худшее, а выходит наоборот и ты уже готов к любим неожиданностям. Но иногда просто стоит помолчать, просто помолчать, это сильно успокаивает.

После этих слов он больше не сказал мне не чего в тот день. Я пытался завести с ним разговор, но он уже был крайне молчалив и сдержан. Словно почувал что-то недоброе. Ехали мы не спеша, и, поэтому, в дороге были день или два, направляясь к известному купеческому городку под названием Реноал. Я хорошо знал дорогу к этому месту. Мне приходилось часто бывать там в прошлом, с какими-то посланиями или поручениями. Так что я с уверенностью мог сказать, что едем мы именно туда. Уж больно дорога то знакомая. Сам город показался нам уже издалека. Но, похоже, уже и туда добрались с моим розыском. Проверять я этого не хотел, и перед самыми воротами залез в густое сено со словами:

– Будет что будет.

Я надеялся, что торговец не выдаст меня. Вскоре телега остановилась и вдруг, прямо над моей головой, промелькнуло острее пики, а потом еще и еще раз. Моя жизнь тогда висела на волоске от смерти. Если бы охранник оказался более усерден, он наверняка попал по мне, и тогда мне бы пришлось очень несладко.

В общем, именно так мне и удалось попасть в этот чудный городок. Попрощавшись с Реральдом, я пошел дальше своей дорогой, а он своей. Везде стояли построенные на совесть деревянные дома, кое-где покрашенные в жёлтый или красный цвет дешевой масляной краской. Каменных одноэтажных домов было крайне мало. Все, как и в моем городе. Долго искать церковь не пришлось. Тут она была одна, не очень богатая, но и не бедная.

И даже не успев стать на ее порог я тут же слету натолкнулся на Ненерса – моего старого приятеля, с которым я провел все свое детство. Он был сиротой, я же послушником, который давал ему хлеб и воду.

– Нен, это ты что ли!?

– Фризо, неужто мне не кажется?

– Ни капли. Пошли от сюда побыстрее.

– А куда спешить?

Я осторожно указал на стоявшую позади охрану быстрым поворотом головы. Нен кивнул и молча развернулся – мы поспешили искать место потише. Заметив полупустую таверну, мы вошли в нее. Присев за самый крайний стол, Нен заказал нам по доброму хмелю.

– Ну же, рассказывай, что и как. Почти двадцать лет все-таки не виделись.

– Ненерс, у меня трудные времена сейчас. И что делать пока не знаю, может, у тебя...

– Выкладывай все по порядку.

Облокотившись на спинку стула, я хотел уже было начать, как Нен тут же перебил.

– А знаешь, что? Это не важно, не тревожь душу. Все равно я уже знаю, что ты сделал. Недаром твой портрет развесили по всему городу. Когда ты приехал?

– Сегодня, только что.

– Сегодня как раз должен был прибыть один торговец. Сено везет. Особо не примечателен, но на левой щеке у него шрам. Найдешь его и скажешь, что ты от Нена Вейнера. Дальше встретимся в более спокойной обстановке. Больше пока помочь ничем не могу.

Нен заторопился, заплатил за обоих и быстро ушел, а я, допивая хмель и удивляясь совпадению указанных примет с Реральдом, остался сидеть в таверне допоздна.

Выйдя наконец из нее и раздумывая обо всех, так неожиданно навалившихся на меня проблемах, я затерялся среди похожих друг на друга улочек. Из их сплетения мне удалось выбраться лишь поздней ночью, выйдя к воротам, неподалеку от которых и расположился Реральд. Я сразу же узнал его – он валялся на толстом коме сена в своей телеге. Таких людей никогда не забываешь. Когда я подошел чуть поближе, он тут же спрыгнул со своей лежанки – видно не спал.

– Чего крадешься? Спать не охота?

– Я от Нена, Нена Вейнера.

Купец тяжело вздохнул, и его улыбка превратилась в недовольную гримасу:

– Я задолжал Нену, и только поэтому ты дальше поедешь со мной. Мне как раз нужен помощник. Усек? Я везу не солому, а кое-что другое, за что могут казнить. Все ещё согласен?

– Конечно.

Тогда поехали.

– Прямо сейчас?

– А когда же ещё? И одень-ка это. – Реральд бросил мне черный плащ. Охрана на выезде из города была подвыпившая, и от нее за версту разлило неприятным запахом дешевого алкоголя. Так что пришлось затруднить себя и самим открыть ворота.

– Куда едем то?

– Ты что, дальше своего носа не бывал? Я покачал головой.

– Мы едем к северо-западным провинциям.

– А к какой именно? Ведь ты же знаешь, сколько их там.

– Зачем ты спрашиваешь? От добра добро не ищут.

– пришел в недоумение. Меня разыскивают по всей округе, а ты не можешь сказать, куда мы едем. Или же это и есть причина?! Реральд помолчал с минуту, после чего недоверчиво глянул на меня.

– Да я только дорогу и знаю! Просто сам понятия не имею, куда мы едем, знаю, что на северо-запад, прямо по этой тропинке, никуда не сворачивая.

– Понятно, – улегшись на так и не проданное сено, ответил я. Повозка катилась незаметно, и мы уже успели въехать далеко вглубь открывшегося перед нами леса. Где-то около полуночи мы остановились и оба улеглись спать. Сон быстро сморил нас. Мы не стали откатывать телегу подальше от дороги – мало кто решится ехать так поздно.

Но не прошло и двух часов, как нас, а точнее меня, разбудил вой голодных волков и какой-то храп. Слегка подняв голову, я увидел яркую луну, а вместе с ней и сверкающие в темноте волчьи глаза. Я осторожно разбудил Реральда, шепотом доложив о случившемся. Кляча начала нервно перебирать копытами и дрожала, готовясь рвануть со всех четырёх. Реральд, лениво полез рукой под телегу, достал пару смолистых факелов и быстро черкнул о них кремнем. Они вспыхнули мгновенно, и так же быстро Реральд раскидал их вокруг повозки. Волки не отступали ни на шаг, похоже, они были слишком голодны, и один неверный шаг означал смерть, верную смерть. Осмотревшись, Реральд выхватил нож, лезвие которого было покрыто засохшей кровью. Оно заблестело в свете пылающих факелов. Лесные твари заскулили и, как крысы, разбежались кто куда.

– Что это такое у тебя? Амулет какой-то?

– Да нет, конечно. На ловлю когда-то ходил. Не более того, – сухо и каким-то неуверенным голосом ответил он, после чего хлестнул лошадь кнутом.

– Но, моя хорошая! Нельзя тут оставаться ни в коем случае: подождут и опять вернуться. Уж тогда-то никакая медвежья кровь не поможет. Эту повозку я даже им ни за что не отдам, слишком долго уж с ней вожусь.

Какое-то время мы сидели в тишине, пока я не решился начать разговор:

– У тебя есть семья?

– А у кого ж ее нет? Целый год ее не видел.

– Год?!

– Еще бы. Вот эта провинция, и ещё три или четыре на нашем пути, – и я буду на родине, а семья ещё дальше, в городе Велоун.

– В том самом Велоуне?

– Да, у города нехорошая репутация, но дом не выбирают, как и большинство других вещей... Знаешь, а ведь у меня дочь есть, Изабелла. Ей 17 уже. Замуж пора. Правда, не за кого. Она все мне козни строит. Вижу ее мало – дороги, дороги.

– А ты, Фризо, где бывал, что видел?

– Достаточно горя и счастья мне довелось повстречать и знаешь, пробыв тут уже один день, я понял, что это ужасно утомительно – жить так вечно в дороге. – И почему же?

– Потому что проблем не так много. Повозка и дорога.

– В этом ты не прав. Это ведь, как ни как, мой хлеб, да и не так уж скучно – ведь я всегда держу путь в неизвестное. От меня конечно сбежали мои старые проблемы, как, кстати, и моя жена. Но пришли новые. И, по крайней мере, они не кричат на меня, не стучатся в дверь и не смотрят в мое окно. Я ведь знаю, о чем говорю – дорога не даст скучать.

– В этом твоя правда.

– А знаешь, Фризо, раз мы уже начали этот разговор, то скажу тебе – я ведь не всегда был купцом.

– А кем же?

– Какое-то время я только и делал, что уповал на удачу. Играл в карты. Ох, до чего веселая жизнь была. Есть что вспомнить. Именно тогда были золотые годы...

Я улыбнулся исподлобья, а он продолжил:

– Да, в общем, не об этом я. Тогда впервой подружился с голодом и научился ни о чем не жалеть. И обрел, через какое-то время, как мне показалось, свое счастье. Но, как видишь, дальше сложилось не так, как думалось. Наверное, потому мне это наскучило, как дешевый алкоголь – счастье которое можно было купить, это – не счастье. Так что, я много упустил. Но, наверное, и много обрел тогда. Ведь, не теряя, нельзя обрести. Сейчас же, я научился ценить то, что имею: день, хлеб и повозку. И более: у меня есть семья – жена вернулась ко мне – и дом, и поэтому я уже счастлив от того, что живой. Завтра же я буду счастлив, если приеду вовремя в город и куплю товар подешевле. Послезавтра же буду счастлив, если продам все в срок, а через месяца-два – если увижу свою семью. Ты ведь священник, и должен меня понимать.

– Я тебя понимаю. Только тебе не угодишь.

– А разве это не так? Ведь ты борешься за него каждый день и дело только в том: достиг ты цели или нет. И вообще, проигравших я не забыл и отдал им те крохи, который они проиграли.

– Но, знаешь, что самое обидное для меня?

– Что те, с кем ты поделился пошли и проиграли все?

– А откуда ты знаешь?

– Не так уж мало я и видел.

Он закончил разговор так же неожиданно, как и начал:

– Да. Не так уж и мало я видел. Смотри-ка, светлеет уже.

– И правда, светлеет, – подтвердил я.

– Вон гляди: наш город. Видишь то желтое пятнышко? Это макушка главного храма.

А вон вдалеке виднеется и еще один город.

– Так близко, что ли?

– Да, тут много городов. И все живут в мире. Впрочем, это не новость. Совсем скоро уже прибудем.

– Не уверен насчет мира.

– Поверь мне на слово, я не один год промышляю в этих краях.

– А что ты думаешь насчет оренгов, фавнов и...

– А что оренги? – он не дал мне договорить – они что, не живые? Они тоже, конечно же, не хотят никакой войны. Они ленивы, но никогда не подымут меч на своего собрата. Они входят во многие коалиции. Поговаривают даже что и – меченосцами. Да и вообще это торговый народ. Не подумай ничего плохого, но это их город. Город Сантегро.

Я еще раз переспросил насчет оренгов, фавнов и храма. Но ответ был тот же.

– Прошу тебя: не надо делать такое удивленное лицо. У них тоже есть своя душа, сердце и свой Бог. Только они ужасные собеседники.

– Прямо как я?

– Нет, они похлеще. Ты хоть слушать умеешь. Как-то ездил я с одним оренгом.

– И как?

– Да ни как. Слова не дает сказать даже. Зато вечно веселый. Даже не знаю, что хуже жара под тридцать или вечный зной...

– Эй! Ты ведь это специально начинаешь!

– Может и да. Но! Пошла!

Через несколько минут мы были уже у ворот. Реральд сказал, что теперь могу называть его просто Рей, а также рассказал, что какое-то время он даже тут жил, и его очень много кто знал. Но за год, по его словам, могло многое измениться. Но оружие и железо тут как продавали, так и продают.

– К слову, оренги... – продолжил Рей – это существа которые отличаются от людей лишь своим огромным ростом: до двух, а то и трех метров. Они более агрессивны и со специфическим характером и нравом. Обычно имеют синеватый оттенок кожи, а иногда и красный. Просто их кожа ужасно нежная, буквально прозрачная и цвет зависит от крови. И вообще, внешне они напоминают орков. Они предпочитают жизнь отшельника, а не семьянина. Фавны тоже похожи на людей, только с козлиными ножками и рогами на голове, всегда тихие, но острые на язык, а если нет – всегда готовят тебе то, чего ты меньше всего ждешь. Да и вообще, о них можно сказать мало. Они не выше людей, да и не сильнее.

Закончил Рей неожиданно:

– Думаю, ты скоро привыкнешь, Фризо. Мы разные, но все вынуждены жить вместе. Надо быть терпимее.

– Мы тут что надолго? – я тут же спрыгнул с сена, как только понял, что повозка остановилась. За разговорами мы и не заметили, как оказались у огромных каменных ворот, где стояли двое оренгов со странной, голубоватой кожей и темными, словно уголь, и густыми волосами, аккуратно заплетенными в длинные косы.

– Уверен, ты скоро привыкнешь – повторил Рей. Один из стражников был одет в дорожную кофту из волчьей шерсти и дешевые штаны. На втором была дешевая овечья жилетка, но дорогие льняные штаны. Одежду обоих местами закрывали кольчуги и толстые железные доспехи. Из оружия – у каждого по длинному копьё и по мечу, длиной немного больше, чем у обычного меча.

– Как-то мне не по себе, – еле слышно прошептал я.

– Нет причин для беспокойства: я давно знаю этих ребят.

Как только мы подошли чуть ближе, один из стражей заслонил вход и нагнулся к нам, вцепившись рукой в толстую рукоятку меча, висевшего на поясе. Он тщательно всматривался в наши лица. Зажмурив глаза, как кот, лениво лежащий на солнце, после чего вскрикнул:

– Рей, это ты, что ли?

– А кто же еще, приятель? Неужели у тебя так плохо со зрением?

– Как же давно я не видел тебя. И кто этот славный малец рядом с тобой?

– Да так... Лучше расскажи, как здоровье, семья...

– Эй! Рей решил проведать нас! – так и не ответив на вопрос, прокричал стражник.

Ворота тут же распахнулись – и мы въехали в город. Через минуту к нам уже подошла подвыпившая компания и вместе с собой просто внесла нас в таверну, где почти каждый знал этого купца. Видно, он один из немногих, кто часто приезжает торговать в такие края. На столе было множество еды и питья. Но я лишь пригубил всего по не многу, чего не скажешь о Рейе, который выпивал залпом уже третий бокал доброго хмеля, пытаясь побороть своего соперника, сидящего рядом. Но куда ему до него – соревнование было в разгаре, а я было хотел уже выйти из таверны. Но, неожиданно, сюда заглянул еще один фавн. Он нес в руках дорогой джин, который был для меня слаще меда. Он мгновенно увидел вспышку в моих глазах...

Позже я проснулся под столом и разбудили меня ведром холодной воды. Рей еще спал, нервно мотая головой в разные стороны, как будто отмахивался от надоедливых мух, и что-то бормотал себе под нос. Проснувшись окончательно, я попытался разбудить его, но все мои попытки были тщетны. Не стоило нам сюда наведываться. Недолго думая, я взял Рея под руки и, шатаясь, с горем пополам, дотянул его, как мешок, до телеги.

Недалеко от повозки нас уже ждал довольно высокий фавн. Он был полностью обвешан костями и какими-то ритуальными вещами так, что мне с трудом удалось разглядеть на нем тонкую и почти невидимую серебряную кольчугу. Он явно был чем-то не доволен. Чем именно, мне знать ни капли не хотелось. На спине же у него висел бухарский ятаган, плотно обтянутый чехлом из тонкой оленьей кожей, который он наверняка выручил в одном из своих походов. Особое внимание привлекала его накидка, сшитая из меха гризли. Один его вид привел Рея в полное здравомыслие. Лицо фавна было искажено шрамами и обрамлено не совсем приятной черной бородкой.

– Доброго времени суток, – поклонившись и заставив сделать меня то же самое, произнес Рей, после чего шепотом спросил у этого весьма угрожающего на вид создания:

– Месье, может, отойдем в более тихое место?

– От тебя несет как от протухшей рыбы. Расчехляйся, не люблю тянуть – раздраженным и наглым голосом проворчал фавн. Я насторожился. В их разговоре было что-то неприятное для меня. Но не для Рея, который, как змея кинулся под телегу, открыв нижний потайной отсек, откуда вывалилась квадратная глыба железа, дюймов десять толщиной. По-видимому, это была чистая сталь. Мы вдвоем с трудом подняли ее и подали фавну, который тщательно осмотрел ее и, проведя пальцем по краям, хитро прищурился:

– Как раз то, что мне надо, – усмехнувшись, он хлопнул моего приятеля пару раз по спине так, что еще бы с десятков таких хлопков – и Рей бы уже не стоял тут со мной. Бросив нам небольшой мешочек с деньгами, он взял этот громадный кусок стали подмышку и быстро удалился прочь.

– Фризо, а ты что застыл как вкопанный!? – воскликнул, как ни в чем не бывало, Рей – нужно обучить тебя еще стольким вещам. Запомни уже: чтобы командовать, надо сначала научиться самому быть покорным. А то хочешь сразу из мельника в булочника... А сейчас давай закупимся добротными флягами вина, которые продадим эльфам в следующем городе, и также выкупим здешние запасы пшеницы. Этому товару цены не будет. Ведь в других горо-

дах в этом году засуха, из-за жары высохло с дюжину озер. А реки так обмелели, что хоть ходи и руками рыбу собирай.

– Я и сам это знаю. Ведь и в моем городе столько урожая пропало...

– Меньше слов больше дела. – Рей вынул из мешка с деньгами пару золотых, покрутил их в руках, потом схватил меня за рукав и положил деньги мне в ладонь:

– Головой отвечаешь. Потратишь и еще придешь. Ярмарка в той стороне.

– Ты не пойдешь со мной?

– Нет. Думаю, и сам справишься.

– Как скажешь.

Минут через пять на моем пути показалась первая лавка. Подойдя к ней поближе, я увидел множество товара: хлеб, мясо, рис, овощи. Глаза разбегались. Там было почти все, но меня больше всего заинтересовал уже знакомый, откуда то, запах странных коричневых бобов.

– Что это? – ткнув пальцем, с некими сомнениями спросил я продавца.

– Это, сеньор, кофейные бобы. Продам за пол серебряника мешок.

– Отчего же так дешево? – удивленно спросил я. Продавец с горечью вздохнул:

– Это странный товар. Шесть золотых потерял на этой ерунде. Есть – так зуб поломаешь, пить – так горько. Не знаю уж, как его использовать. Впрочем, не только я один. Ну, так что, брать будешь?

– Давайте полмешка. И еще всю муку, которая только есть.

Продавец достал три мешка.

– Сколько?

– По золотому. На всем базаре лучше не найдешь я тебе...

– По пол золотого и по рукам.

Продавец посмотрел на меня:

– Пол медяка на пиво накинешь?

– Накину.

– Тогда по рукам.

Заплатив нужную сумму, я доставил все это к телеге.

– Фризо, ты что надумал себе? Для чего деньги выкидываешь?

– Ничего я не выкидываю, – пытаюсь как-то оправдать себя, ответил я.

– А для чего тогда это купил? – он указал пальцем на кофейные бобы.

– Они всего пол серебряника стоили.

– И что? Все равно деньги на ветер.

– Еще увидим.

– Это проклятый товар: не съешь, не продашь. Никто не знает, как он попал к нам и что с ним делать. Лучше выброси его, а после вернись обратно. Еще молока прикупи и посуды, причем не какой-то там дешевой. Да и о нашем завтраке и обеде не забудь.

Рей снова достал деньги, вручив мне еще пару золотых. Обойдя ближайшие лавки, я скупил всю муку, что только была на рынке, а это оказалось целых пятнадцать мешков, которые с трудом поместились на нашу старую повозку. Денег, на удивление, хватило тютелька в тютельку.

– Эй, Фризо, что так долго? Ты же мог взять помощника.

От такого вопроса я даже на миг замер, думая, чтобы ответить.

– Разве это бы не считалось пустой тратой средств и не вызвало бы еще одного упрека с твоей стороны?

– Это уж верно.

– Похоже, ты понял, какова цена моей похвалы. Видно больше всего не поздоровилось твоей спине. Честно говоря, нам еще не хватает уйму других вещей, но я уже сам пойду. Думаю, с тебя хватит на сегодня – с улыбкой сказал Рей, прыгнув с телеги и положив мне в руку

один золотой. Все остальное он, наверное, забрал с собой, хоть я и не увидел оттопыренного кармана, в котором должна была бы храниться вся сумма.

Взобравшись на телегу и устроившись между толстыми мешками муки я, почувствовал, как глубоко в моей душе сейчас боролись два чувства: лень и необъятный голод – потребность пожевать чего-то. Но как бы они не рвали друг дружку, победила усталость, отправив меня в глубокий сон. Разбудил меня посыпавшийся на голову товар. Похоже, мы ехали не по самой лучшей дороге. Это было слышно и по громкому скрипу деревянных колес и ощущалось по резким подскокам телеги. Наверное, Рей решил не будить меня. Но какого черта он гонит так быстро, словно мы ввязались в какую-то перепалку?

Подняв голову, я увидел человека, явно непохожего на Рея. Я тот же час выхватил нож из-за спины, тот самый нож, которым я совершил то ужасное деяние с Мелицио. Услышав шум, наездник тут же обернулся ко мне, где я вместо человеческого лица увидел рыжую лисью морду. Я застыл так же, как и то существо. Телега резко затормозила, а после и вовсе остановилась. Никогда в жизни мне не доводилось видеть ничего и никого подобного. Толи полукровка толи дух – был ростом с человека в достаточно богатой одежде, но с оранжеватой шерстью и мордой лиса. От внезапной встречи он быстро соскочил с телеги и отпрыгнул настолько, насколько только мог. Похоже на то, что сейчас я явно был не в себе. Животное, да еще в одежде, со структурой человека. Может, я пьян? Нет. Клянусь, что сегодня я не брал ни капли в рот. Тогда что это такое?! Я тут же принялся глазами пересчитывать товар: ровно пятнадцать небольших мешков муки. Тут же были и кофейные бобы. То есть, это наверняка телега Рея. На месте наездника лежал фиолетовый мешочек с деньгами. Точно такой же, как и у моего попутчика. Я медленно взял его и засунул в карман.

– Ты кто? – грубым тоном спросил то существо с мордой лиса.

– Не твое дело, уходи прочь, пока ещё цел. Небось, украл телегу, ну, ничего, ты еще получишь то, что заслужил. Проклятая бестия, мне с тобой некогда возиться, убирайся!

– Нет! – тут же смело возразил он. – Я купил ее за 15 золотых, а если ты забираешь ее, то отдай хотя бы их.

По правде говоря, я б еще поверил в этот бред, если Рей не разболтал, что этот воз дороже ему, чем весь товар в нем. Поднявшись, я заметил, как тот Лис недовольно смотрит на мешочек с деньгами, который торчал из моего кармана. Видно, не все украл. И похоже, не собиравшись уходить. Он ждал, пока я начну разворачивать телегу в обратную сторону и повернусь к нему спиной. Предвидя, что меня могут ограбить дважды, я не стал делать резких движений. Но демонстративно достал нож и взял кобылу за повод начав медленно отводить ее подальше.

Направившись в мою сторону Лис – как я его для себя назвал – неожиданно растеряв все медяки по дороге, тут же принявшись их собирать. Я готов был нанести упреждающий удар. Но он был слишком далеко и так скрючился, что мне даже стало его немного жаль.

Оглянувшись всего на миг, я хотел было двинуться дальше, но не успел и глазом моргнуть, как он оказался тут как тут, резко выбив нож у меня из рук. Он набросился на меня, пытаясь душить локтем. Он был словно паразит на мне, до которого нельзя добраться. Я почувствовал нехватку воздуха. Едва удерживаясь на ногах, я резко разбежался и двинул его об дуб, затем еще и еще. Но его хватка стала только сильнее. Голова закружилась и я, потеряв равновесие, покатился вместе с ним по каменистому склону. Лис тут же отпустил меня, и я смог свободно вздохнуть. Но мой противник не отступал – видимо хотел еще попытать удачи. В ярости Лис попытался вцепиться пастью мне в горло, однако получив очередной удар, и упал. Но, сдаваться, опять же таки, не желал: вместо того, чтобы отступить, он, вывернувшись, ударил меня чем-то твёрдым в колено. Я повалился прямо на него, нанеся инстинктивно еще два удара удачно попавшимся под руку камнем. После этого он больше не двигался, а я отшатнулся, медленно встав.

Уже далеко не первый раз мне приходилось видеть смерть, но я не хотел его убивать. Дрожь прошла по коже. Медленно поднеся руку к его большому черному и круглому носу, я застыл в ожидании. Теплое дыхание окутало ладонь. Он просто оказался без сознания. Сняв с него ремень, я крепко связал ему руки после чего опять поднялся на холм, закинув его в телегу – надо же как-то оправдываться перед Реем. Нож долго искать не пришлось.

Развернув клячу, я отправился обратно в город, до которого было рукой подать. На подъезде к самой вершине холма мне стали слышны крики, стоны и громкие звуки от ударов железа о железо. Остановившись, я медленно поднялся на верх и увидел то, что мне больше всего не хотелось бы видеть. Весь город пылал адским пламенем, а возле ворот происходила кровавая бойня в которой участвовали почти что все: эльфы, гномы, орены... Нельзя было разобрать кто свой, кто чужой. Горожане, вооружившиеся чем только можно, боролись не на жизнь, а на смерть, защищаясь от кочевников. Но силы были явно неравными...

Получается, что, украв телегу вместе со мной, Лис, не ведая того, спас меня. Но Рэй? Как и все, кто был возле города, когда напали кочевники, он должен был уйти под защиту крепостных стен и сражаться.

На поле боя уже виднелись целые горы трупов. И каждый убитый как будто смотрел на меня, и во всех я видел лишь одного – Рея. Уши заложило, я перестал слышать на какой-то промежуток времени, лишь видел ту ужасную картину. Видел, как гибнут воины, как дикари режут всех, кого только могут.

Я видел все, и не видел ничего. Город был почти захвачен. Но те, кто еще остались в живых, боролись до конца. Среди них вдруг я увидел и Рея: он находился на одной из башен. Он увидел меня, так же, как и я его. Достав из-за пазухи небольшой нож, он тут же отрезал кусок рукава и кровью что-то написал на обрывке. Вытянув из-за спины стрелу, он продел «послание» на нее, натянул тетиву до упора, но в тот же самый момент харкнул кровью – длинное острие меча, прошло сквозь него. Но он все-таки успел, успел отпустить тетиву. Несколько секунд он стоял не двигаясь, пока стрела не подлетела почти прямо к моим ногам и не воткнулась в землю. Я не трогал ее: я смотрел на Рея, он пытался что-то сказать, улыбаясь, но уже не мог. И просто упал ниц, полетев в кровавый ров. Он был рад в последние секунды. А я не мог сдержать слез. Неужели он не понимал, что умирает!? Неужели он не чувствует боли?! Нет, он все чувствовал! Он умер счастливым, из-за того, что успел выполнить то, что хотел. Позади павшего я увидел стоявшего кочевника-эльфа. Беловолосого эльфа, который был полностью покрыт кровью и испытывал ко мне точно такую же ненависть, как и я к нему. Для таких как он не было Бога – по их деяниям для них достойно было лишь самое жестокое человеческое наказание.

– Я найду тебя! Слышишь, найду чего бы это мне не стоило! – прокричал я во все горло. Наши взгляды пересеклись так же, как и наши судьбы. И он это тоже понимал, ибо знал, что я сдержу клятву и отомщу, даже ценой своей жизни. Вытянув стрелу из земли, я плюнул в его сторону и помянув Рея добрым словом, сел обратно в повозку и развернув лошадь быстро поехал, запомнив ту ужасную картину и тот запах крови. Все-таки хороший человек был. Мало таких нынче. Земля ему пухом. Уж кого-кого, а его я не забуду никогда. Таких не забывают. Теперь у меня появилось две важнейших цели, которые смогу выполнить лишь я.

Приехав на тоже самое место в лесу, я выкинул Лиса, и хотел уже как быстрее ехать вперед. Но то странное существо начало со всех сил рваться назад к телеге. Мне даже показалось, что он болен лихорадкой или чем-то подобным. Остановившись на миг, я увидел, как он вырвался из кожаного ремня и подбежал ко мне и неожиданно начал молить о помощи...

Я хотел ответить «нет», но вспомнил Рея, который так же взял тогда меня с собой, зная, что охрана разыскивает меня по всей округе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.